

ПАМЯТЬ ПЕРВОВЕРХОВНЫХ АПОСТОЛ ПЕТРА И ПАВЛА

СЕДАЛЕН ПО ПОЛНЕЛЕЕ

Верховныа авльшинаса от ученик, великина светильники и светлыа, Петра да возхвалим и премудраго Павла: огнём ко Божественнаго просившиа дѣха, мгла прелестн попалиша всю, темже и вышнаго Царствна орѣжницы достоине показаша и благодати сопредстольницы. Сего ради копнем: апостола Христа Бога, прегрешенн оставленне испросите празднующим любовию сватѣю память вѣшѣ.

Два совершенно разных человека. Один буквально с первых дней проповеди Христа следует за Ним; второй борется против Него всеми доступными средствами, пока явное чудо – встреча с Гонимым – не переворачивает его жизнь. Один – простой, совсем не учёный человек, рыбак; другой – знаток закона, книжник, получивший хорошее образование, воспитанный «при ногах Гамалиила» (Деян.22,3). Один – семейный, имевший тещу, которую восставил от болезни Господь, другой – пламенный проповедник девства, преподававший притом верным и правила подлинно христианского брака.

Два разных человека, чья память празднуется в один день, настолько тесно связанные между собой и этой памятью, и общей жизнью, и общим делом. <...>

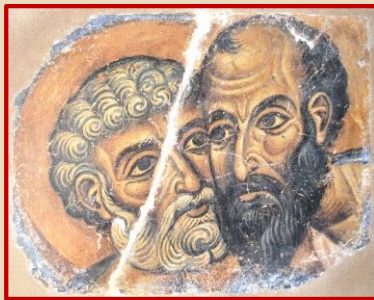
Апостолы Пётр и Павел... Что их, таких разных, сделало такими похожими? <...> Слабость? Первый отрёкся в момент малодушия, второй был убеждён, что служит Богу, предавая христиан на смерть...

Сила? Первый, покаявшись, в своём служении Христу не боялся ничего и никого, был настолько проникнут этим духом покаяния и смирения, что и мучительной смерти – распятия – считал себя недостойным, но требовал быть распятым вниз головой. Второй, после встречи со Спасителем на пути в Дамаск, становится проповедником Евангелия, готовым благовествовать и ближним, и дальним, для всех становиться всем, скорбеть с каждым, кто скорбит, сострадать с каждым, кто страдает. <...> Нет, не слабость или сила так сроднили их. Сроднила, сделала их братьями любовь Христова к ним и их любовь ко Христу.

Нет человека, которого бы не любил Господь. Но немногие оказываются способными ощутить эту любовь, а ещё меньше тех, кто по-настоящему откликается на неё. И понимает человек, что любит его Христос. <...> Но не готов этой любви открыть своё сердце до конца. Ведь она, если не полагать ей никакого предела, <...> совершенно всё изменит в нас. <...> И мы противимся этой любви Христовой: замечаем её лишь отчасти, в какую-то комфортную для нас меру, забываем о ней, когда нам удобно, отворачиваемся от неё, не слышим, когда она стучится в наше сердце, кротко прося

Перевод

Явившихся верховными из учеников, светила великие и светлые, Петра восхвалим и премудрого Павла: ибо, просияв огнём Божественного Духа, они мглу заблуждения попалили всю, оттого и Вышнего Царства гражданами достойно явились и благодати сопредстольными. Потому мы взываем: «Апостолы Христа Бога, согрешений отпущение испросите празднующим с любовью святую память вашу!»

Фрагмент фрески конца XII в.
Монастырь Ватопед, Афон

впустить. И точно так же мы ограничиваем свой собственный на неё отклик: отмериваем, сколько шагов можем пройти ей навстречу, определяем, что приемлемо и что неприемлемо для нас в следовании за Христом, торгуемся – да, к сожалению, подчас именно так! – со своей совестью, пытаюсь убедить её в том, что то, чего она от нас требует, – «это уж слишком». <...>

А Пётр и Павел дали любви Божией наполнить себя всецело, отдаться ей так, как парус отдаётся ветру, не заботясь о том, веет ли он лишь едва ощутимо или же перерастает в грозную бурю. Они не проводили никакой границы между собой и Христом, не ставили никаких заслонов, не говорили ни о чём: «Это моё, Господи, не забирай, не отнимай, оставь его мне». Воистину, как говорит преподобный авва Дорофей: когда человек отказывается от чего-то ради Христа, то Христос Сам бывает для него вместо того, чего он себя добровольно лишил. Апостолы отказались ради Христа от всего, и Он стал для них главным и неотъемлемым вовеки сокровищем, всё заменил и наполнил их жизни Собой.

И такой же всецелой была их любовь ко Христу – бьющая, словно ключ, в сердце, переливающаяся через край, не могущая скрываться внутри, рвущаяся наружу. И такой же – любовь к людям: как не любить их, когда их любит Господь?! И этой любви они тоже не полагали в себе предела, но шли на всё, зная, что и смерть не различит их ни с Богом, ни с теми, кого Он им доверил, кого поручил.

И когда мы называем их первоверховными, то не особое их положение, не авторитет, ни даже совокупность всех подвигов и трудов должны иметь в виду, а именно это: тот верх, ту высоту любви, к которой они востекли, ту неразличимую глазом, но угадываемую сердцем область, где они так связались, так соединились, что вспоминаем мы их ныне вместе. Таких разных, таких первоначально непохожих, таких когда-то чужих, но превратившихся впоследствии в братьев, в два сообщающихся сосуда, в которых одно содержимое – Божественная любовь.

Игумен Нектарий (Морозов)

ЖИЗНЬ ПРАВОСЛАВНОГО БОГОСЛУЖЕНИЯ

(часть 45) Литургия

Перед Евангелием священник читает молитву: *«Возсияй в сердцах наших, Человеколюбие Владыко, Твоего бого-разумия нетленный свет, и мысленные наша отверзи очи во евангельских Твоих проповеданий разумение»*. Эта молитва, читаемая священником от лица общины, указывает на то, что для понимания смысла Евангелия нужно, чтобы Бог открыл в человеке духовные очи. Чтение Евангелия – проповедь Спасителя, Который для спасения людей явился в мир.

Выслушав Евангелие и краткую благодарственную песнь *«Слава Тебе, Господи...»*, мы тотчас обращаемся к Богу с молитвой, называемой «прилежным молением», или – «сугубой ектенией». Эта молитва должна быть непосредственным следствием чтения слова Божия, а вместе с тем – и средством к лучшему раскрытию в нас силы этого Божественного семени.

В сугубую ектению могут вставляться прошения о болящих, об избавлении от стихийных бедствий, о даровании дождя и о других нуждах, с которыми связана жизнь членов общины. В современной приходской практике на сугубой ектении бывает чтение записок, поданных членами общины и содержащими имена тех, за кого требуется сугубая молитва.

В сугубую ектению могут вставляться прошения о болящих, об избавлении от стихийных бедствий, о даровании дождя и о других нуждах, с которыми связана жизнь членов общины. В современной приходской практике на сугубой ектении бывает чтение записок, поданных членами общины и содержащими имена тех, за кого требуется сугубая молитва.

К сугубой ектении может быть добавлена заупокойная ектения, содержащая поминовение усопших. Она не была частью древней Литургии, поскольку Литургия воспринималась как праздничное богослужение. Только в тех приходах, где Литургия не совершается ежедневно, заупокойная ектения добавляется к Литургии даже по воскресным дням, чтобы верующие могли помянуть своих близких, перешедших в мир иной.

В следующей ектении Церковь приглашает верных молиться о тех, которые не вошли ещё в полное общение с Церковью, – об оглашенных. В этой ектении сперва делается воззвание к оглашенным: *«Помолитесь оглашенным Господе»*; потом обращение к верным: *«Вернии о оглашенных помолитесь, да Господь помилует их»* и прочее. После чего повелевается оглашенным преклонить главы, потому что в это время священник тайно молится о них, чтобы Господь сподобил их принять святое Крещение, соединил их святой, соборной Церкви. По молитве священник возглашает: *«Да и тии»* (т. е. и оглашенные) *«с нами славят пречестное и великолепное имя Твое»*.

Затем следуют возглашения к оглашенным, чтобы они вышли из храма, так как наступило время для совершения самого таинства, при котором они не могут присутствовать. Таким образом оканчивается Литургия оглашенных.

О чём же нам следует помышлять, когда мы не видим ныне исхождения из храма ни оглашенных, ни кающихся? Поищем в себе самих то, что в оглашенных и кающихся признавалось недостойным участия в Святейшем Таинстве. Искореним всякое сомнение и маловерие, отвергнем все земные помышления и чувствования и таким образом оставим в себе только истинно верных слушателей и участников Литургии верных.

ДВЕРИ СЕРДЦА

В 1854 году английский художник Уильям Холман Хант представил на суд публики картину «Свечоточ мира», иначе называемую «Се, стою у двери и стучу» (Откр.3,20). На ней Христос ночью стучится в некие двери. Он – путник. Ему негде «главу приклонить», как и во дни земной жизни. На главе у Него венец из терния, на ногах сандалии, в руках – светильник. Ночь означает тот мысленный мрак, в котором мы живём привычно. Это «тьма века сего».

Двери, в которые стучит Спаситель, давно не открывались. Очень давно. Свидетельство тому – густой бурьян, растущий у порога. <...>

Самое главное на картине – дом – это наше сердце, а двери ведут в ту глубину, где живёт наше сокровенное «Я». В эти-то двери – в двери сердца – стучится Христос. Он не вламывается в них на правах Хозяина мира, не кричит: «А ну, открывай!» И стучит Он не кулаком, а фалангами пальцев, осторожно. Напомним, что кругом ночь... И мы не спешим открывать... И на главе Христа – венец из терний. <...>

Если Христос стучит в двери нашего дома, то не открываем мы Ему по двум причинам: либо мы просто не слышим стука, либо слышим и сознательно не открываем. Второй вариант рассматривать не будем. Что же до первого варианта, то у глухоты есть много объяснений. Например, хозяин пьян. Его пушкой не разбудишь, не то что осторожным стуком нежданного Гостя. Или – внутри дома громко работает телевизор, делая хозяина глухим к остальным звукам. Ведь правда же, есть у каждого из нас такие звуки, слыша которые мы глохнем для всего остального. <...>

На дверях, в которые стучится Христос, нет наружной ручки. Оказалось, что отсутствие дверной ручки – не ошибка, а сознательный ход. У сердечных дверей нет наружной ручки и наружного замка. Ручка есть только внутри, и только изнутри дверь может быть открыта.

Прот. Андрей Ткачёв

Спросил Господь апостолов, как они Его понимают? В лице святого апостола Петра они отвечали: *«Ты Христос»* (Мк.8,29). Не вдруг созрело это исповедание, но, созрев, осело в глубь сердца и стало его направителем. Оно омрачилось смертью Господа, но не поколебалось. И будучи воскрешено ещё в большей силе Воскресением, стремилось апостолов во всю их жизнь на проповедь всему миру.

Есть момент и у каждого верующего, когда он всеми силами своими изрекает: «Ты – Христос, Господь Мой и Спаситель. Ты спасение моё, свет мой, сила моя, утешение моё, надежда моя и Жизнь Вечная». Тогда он готов сказать с апостолом: *«Кто отлучит нас от любви Божией?»* (Рим.8,35) – подобно ему начинает гнаться за всем угодным Христу Господу, пока придёт *«в меру полного возраста Христова»* (Еф.4,13).

Свт. Феофан Затворник